

ДМИТРИЙ САФОНОВ

ДОРОГА НА ОСТРОВ
ПАСХИ (СБОРНИК)

Дмитрий Геннадьевич Сафонов

Дорога на остров

Пасхи (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24393521

Аннотация

«Десять лет назад двадцатого июля я сидел в редакции и тайно любовался ножками Наденьки Крыловой. Она знала, что я люблюсь ими, но делала вид, будто не замечает. В тот момент она была «мисс Работа», целиком поглощенная разбором читательских писем. Она хмурила чистый лоб, удивленно вскидывала тонкие брови, шевелила пухлыми губками, как ребенок, который учится читать по складам, но ни разу не посмотрела в мою сторону. Правда, садясь за стол (основная часть ее работы заключалась в том, чтобы перенести очередную стопку писем с общего стола, именуемого у нас почему-то «шведским», до своего), она не стремилась поправить короткую юбочку, открывая для моего пытливого взгляда все более и более сокровенные и соблазнительные линии.

Знаете, такие совершенные и плавные линии надо преподавать в школе на уроках геометрии. Но до того, как я решился сказать ей об этом, прошло еще три месяца. А еще через два года она стала моей женой. Я и сейчас люблюсь ее ножками, но... Видимо,

мой интерес уже не представляет для нее былой ценности.
Что поделаешь – инфляция... Мы все переживаем инфляцию.
Попросту говоря, обесцениваемся...»

Содержание

Дорога на остров Пасхи	5
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Дмитрий Сафонов

Дорога на остров Пасхи

Дорога на остров Пасхи

Моему сыну Мите, моим любимым

И всем настоящим индейцам

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Мне кажется, в жизни любого человека рано или поздно наступает такой день: просто не все точно помнят, когда именно это случилось. Не каждый может вам сказать, попыхивая сигареткой: «Да, помню, как сейчас – это было девятнадцатого августа». Или – восьмого октября. Или – двадцать четвертого мая, какое это имеет значение? Не большее, чем марка сигареты.

А вот я знаю точно. Практически до минуты. Со мной это произошло двадцатого июля. Точнее, в ночь с двадцатого на двадцать первое.

В ту ночь, когда мы с Артом сожгли отца. И, знаете, скажу вам честно – он это заслужил.

Сейчас, когда я пишу эти строки, сидя за своим стареньким ноутбуком, прошлое кажется мне еще более ярким и выуклым. Казалось бы, с тех пор прошло уже десять лет, но... Память сохранила все. Компьютер, который растет из моей шеи, всегда был мощнее тех, на которых мне приходилось работать. Внешне он уже не тот, что раньше: на темени просвечивает лысина размером с чайное блюдце, вокруг глаз и углов рта – глубокие морщины, и чем дальше, тем глубже они становятся, словно кто-то натягивает мне на лицо сетку из тонкой лески. Но главное его преимущество перед всеми этими бездушными машинами из железа и пластика – на нем отсутствует кнопка «Delete». Многие вещи, которые я хотел бы забыть, обречены храниться в нем вечно.

Я потерял кучу волос, четыре зуба и утратил множество юношеских иллюзий: главным образом ту, что когда-нибудь стану великим писателем; но события прожитых лет не стали для меня чем-то чуждым и потусторонним – они по-прежнему остаются событиями МОЕЙ жизни. И когда я вспоминаю, я все переживаю заново, а это не так легко, можете мне поверить.

Десять лет назад двадцатого июля я сидел в редакции и тайно любовался ножками Наденьки Крыловой. Она знала, что я люблюсь ими, но делала вид, будто не замечает. В тот момент она была «мисс Работа», целиком поглощенная разбором читательских писем. Она хмурила чистый лоб, удивленно вскидывала тонкие брови, шевелила пухлыми губками, как ребенок, который учится читать по складам, но ни разу не посмотрела в мою сторону. Правда, садясь за стол (основная часть ее работы заключалась в том, чтобы перенести очередную стопку писем с общего стола, именуемого у нас почему-то «шведским», до своего), она не стремилась поправить короткую юбочку, открывая для моего пытливого взгляда все более и более сокровенные и соблазнительные линии.

Знаете, такие совершенные и плавные линии надо преподавать в школе на уроках геометрии. Но до того, как я решился сказать ей об этом, прошло еще три месяца. А еще через два года она стала моей женой. Я и сейчас люблюсь ее ножками, но... Видимо, мой интерес уже не представляет для нее былой ценности. Что поделаешь – инфляция... Мы все переживаем инфляцию. Попросту говоря, обесцениваемся.

В этом месте я глубоко вздыхаю, закуриваю и беру неболь-

шой тайм-аут. Вряд ли вам будет интересно узнать, как я впервые поцеловал ее на редакционной вечеринке, как провозжал потом домой и в темном подъезде напоролся на ребристый край батареи: так сильно, что разбил в кровь лоб. Ну, уж совсем скучно рассказывать о том, как она затащила меня к себе, обработала рану перекисью, и у нас был первый секс... «Ночь любви! Ночь любви!» – щебетала Наденька. (Ей и сейчас нравится это дурацкое выражение). А на следующий день вся редакция гудела, как улей, передавая из уст в уста новую сплетню: мол, на нас напали хулиганы, и я вышел из схватки победителем, хотя и не без потерь (многозначительный взгляд на лоб, заклеенный пластырем). Редакционные дамы с хрустящим прокуренным перманентом поджимали губы и качали головами: «Надо же! И кто бы мог подумать!», но все втайне завидовали Наденьке.

Я усмехаюсь и кладу сигарету на край пепельницы. Нет, это не так интересно. В конце концов, я собирался рассказать историю о своем отце, а не о Наде. И знаете, что я хочу вам сказать? Годы идут, но почему-то отец представляется мне, как живой. Он постоянно рядом со мной, хотя мы и сожгли его с Артом в ту ночь... А Наденька... Она кажется мне все менее и менее реальной – хотя ее можно потрогать, поцеловать и услышать в ответ что-нибудь не слишком ласковое. В чем тут дело, я не знаю. Ведь у меня даже нет его фотографий. Ни одной.

* * *

Да, я уже сказал вам, что это было двадцатого июля. Я сидел в редакции, ну и так далее.

Видите ли, я закончил технический вуз, но страсть к письму всегда одолевала меня. Тогда мне почему-то казалось, что журналистика и литература – одно и то же. Во всяком случае, где-то близко. Я думал, что научусь писать в газете: разовью свой слог, выработаю собственный стиль, и дело останется за малым – сесть за машинку и начать печатать ВЕЛИКИЙ ШЕДЕВР.

Я ошибался. Литература и журналистика соотносятся примерно как роды и дефекация: и то, и другое – физиологические процессы человеческого организма; и в том, и в другом случае из человека что-то появляется. Но результат!

А знаете, почему такая разница? Я полагаю, все дело в боли. Родов без боли не бывает. И литературы – тоже.

Ну вот, я снова отвлекся. У меня всегда так: мысли опережают слова и поступки. Я не могу их удержать, они скачут по листу бумаги, как блохи. О каком ШЕДЕВРЕ тут может идти речь? Фигня это все.

Я сидел и изнывал от жары. Редакция опустела; июль – месяц отпусков. А у меня было, как в том старом анекдоте: «Водку теплую любишь?». – «Нет». – «А потных баб?». – «Ненавижу». – «Тогда отпуск – в декабре».

Молодые сотрудники, знаете ли, гуляют свой отпуск не тогда, когда захотят, а когда начальство им это позволит.

Ну да, сидел я в редакции, пялился на Надины ножки и изнывал от жары. Когда же я начну, черт меня побери? Видимо, операционная система в моем компьютере между плеч стала давать сбои.

Около двух часов... Нет, пожалуй, трех. Я помню, что это было после обеда. Да, наверное, около трех раздался телефонный звонок.

Звонков всегда в редакции много. Они трещат, звенят, гудят и мурлыкают постоянно. Но ТОТ звонок прозвучал как-то по особенному. Я сразу понял, что что-то не так.

Татьяна Васильевна Вишницкая, или, как мы ее называли, «девочка с голубыми волосами» – из-за цвета изрядно поредевшей растительности, сняла трубку. Она молчала несколько секунд, а потом сказала: «Семенов, тебя!».

Семенов – это я. И отец мой, соответственно, тоже Семенов. И, если уж продолжать эту цепочку, то Наденька теперь тоже Семенова и наш сын, Васька, носит эту незатейливую

фамилию.

– Семенов, тебя! – сказала Вишницкая, и я бросился к телефону, словно давно ждал этого звонка.

– Да, слушаю, – сказал я, причем «да» я произнес как-то торопливо, скомканно, а уж «слушаю» у меня вышло довольно солидно, как и подобает сотруднику крупнейшей газеты. Ну, тогда еще не крупнейшей – просто крупной. Хотя, если совсем откровенно – не такой уж и крупной.

– Привет! – сказала трубка. – Приезжай на дачу к семи часам.

И все. Раздались короткие гудки. В этом был весь мой отец. Как вам это понравится? «Привет!» – не дожидаясь ответа. И дальше – «Приезжай на дачу к семи часам». Здорово, да? А может, я был занят? А может, у меня был срочный материал? А может, у меня на это время было назначено свидание? (Я покосился на Наденьку). Нет. Такие мелочи его не интересовали. «Приезжай на дачу к семи часам», и все.

Но это ерунда. Срочного материала у меня не было, и свидание не было назначено, – дело не в этом.

Дело в том, что это были последние слова моего отца, которые я от него слышал.

* * *

Одно из ярких воспоминаний детства: яркое оно потому, что смешное и глупое. Глупости почему-то легче запомина-

ются. Мне – лет пять. Или шесть. Я лежу на кровати, отец сидит рядом и смотрит телевизор. Какую-то передачу про путешествия. И я все время пукаю. Не помню, что я ел в тот день, но такого серного духа нет, пожалуй и в аду. Мефистофель, ступив в нашу маленькую комнату, должен был залиться краской стыда от собственного бессилия и с позором ретироваться.

А отец сидит и будто ничего не замечает. Весь в телевизоре, где рассказывают что-то про ацтеков и их пирамиды.

Сидел он, сидел, а потом говорит:

– Это что? Вызов? Да, Санек? – он меня так называл: «Санек» или «Сандрик».

А я смеюсь и стараюсь пуще прежнего. Пук! Пук!

Тогда он нахмурился, посмотрел на меня, а потом – как набросится! Схватил меня за живот своими огромными красными ручищами, всегда мягкими и холодными даже летом. Жмет мне на пузо и приговаривает:

– Сейчас я выдавлю из тебя все пуки! Все пуки, до единого! – а потом взял меня за ноги и, уперев себе в грудь, согнул их.

Ну, тут из меня просто очередь высыпалась. А уж смеху-то!

Мы оба хохотали. Я смеялся до слез. Так, что даже немного обмочил штаны. А потом, когда он выдавил все газы из моего живота, отец напрягся, и выдал звук – резкий и отрывистый, как выстрел.

– Ну что, крыть нечем? – спросил он и подмигнул.

И я, сколько ни тужился, не смог ему ответить. Крыть действительно было нечем.

Тогда он сказал:

– Индейцы всегда побеждают!

Так я в первый раз услышал от него слово «индеец».

Может, именно тогда он впервые решил посвятить меня в свою ТАЙНУ? А может, никакой тайны и не было: просто мгновенная ассоциация «ацтек» – «индеец»?

Мне тридцать пять, и я стремительно лысею, но, видимо, происходит это не от большого ума. Потому что я до сих пор не знаю: была ТАЙНА или ее никогда не было? На самом деле это – тоже тайна, которую отец унес с собой.

* * *

До дачи было два с половиной часа езды своим ходом. Машины у меня тогда не было, а сейчас, когда появилась, нет дачи. Мы ее продали и купили другую. Поэтому старая так навсегда для меня и осталась в двух с половиной часах езды своим ходом. Наверное, это правильно. Прошное должно оставаться неизменным. На то оно и прошное.

Я что-то наврал и отпросился с работы. Это вышло у меня легко. Собственно, вся работа из этого и состояла: профессионально красивое вранье с кричащими заголовками.

Я успел на электричку, отходившую в шестнадцать тридцать

цать две от Киевского вокзала. Наверное, если бы я опоздал, все повернулось бы по-другому. Но я успел. Дело в том, что станция, недалеко от которой стояла дача, была настолько маленькая, что не всякая электричка там останавливалась. Опоздай я хотя бы на несколько минут, и мне пришлось бы куковать на вокзале полтора часа, дожидаясь, когда пойдет следующая электричка, делающая там остановку.

Я нарочно не называю станцию: зачем? От этого мой рассказ не приобретет лишней достоверности. Или вы мне верите, или – до свидания!

Но, знаете, что поразило меня больше всего? Когда я бежал из метро к поездам, на ходу успел купить журнал «Вокруг света». И там была статья – про остров Пасхи и его больших каменных истуканов, обративших безглазые лица к океану, словно они высматривают кого-то вдали.

За два часа, которые я ехал до нужной станции, я прочитал эту статью четыре раза. И не нашел там ни слова правды. Потому что правду не знает никто. Никто, кроме меня, Арта и **НАСТОЯЩИХ ИНДЕЙЦЕВ**. Эту тайну рассказал мне отец. И я передам ее сыну. Если у меня хватит сил. Если я когда-нибудь стану **НАСТОЯЩИМ ИНДЕЙЦЕМ**.

* * *

Я сошел с электрички в четырнадцать минут седьмого. Пожалуй, такая точность излишня. Для моего рассказа

это не имеет никакого значения. Поэтому лучше написать: «Я сошел с электрички в начале седьмого». Я хочу сказать только одно – у меня было достаточно времени, чтобы не торопясь добраться до дачи.

Что я и сделал: шел не спеша, потому что отец не любил тех, кто опаздывает, но еще больше не любил тех, кто спешит. Сам он всегда все делал вовремя.

Кстати, именно отец объяснил мне смысл поговорки: «Точность – вежливость королей». До этого я думал, что если будешь точным, в тебе появится что-то королевское. Ну, попробуйте сами, произнесите эту поговорку вслух! Где вы сделаете логическое ударение? На слове «королей», не так ли? А правильное – на слове «вежливость».

– Пойми, – сказал мне отец. – Король – это король. Этот титул нельзя заслужить, королями становятся по праву рождения. И если ты король, то никто не станет тебя упрекать, опоздай ты хоть на час. Или – на день. Все будут терпеливо ждать. Поэтому точность для королей не является чем-то обязательным; это просто – вежливость. Ничего не значащая, пустая вежливость. Хотя она много говорит о человеке.

Вот так. Но я все же поглядывал на часы, чтобы подойти к даче именно в семь. Поэтому и запомнил, что сошел с электрички в четырнадцать минут седьмого.

Подходя к дому, я издалека заметил, что он стоит какой-то притихший. В окнах не горел свет, хотя уже начинало смеркаться, Пират – отцовский пес – не лаял.

Кстати, куда он дел Пирата, ума не приложу. Не бросил же. Он был не из таких, кто предавал старых друзей. Наверное, Пират издох раньше; к тому времени ему было уже шестнадцать лет, для собаки – возраст почтенный. А может, смерть Пирата явилась для него знаком? Не знаю. Теперь можно только догадываться.

Я подошел к калитке, но отпер ее не сразу. Я немного походил по траве, чтобы счистить с кроссовок налипшую грязь. И только потом моя рука потянулась к калитке. Но я так и не открыл ее; сзади подъехал огромный черный джип – «Тойота Лэнд-Крузер». Сухопутный крейсер, если по-русски.

Скажу честно, мне стало не по себе.

Знаете, почему?

По сути дела, дача отца только называлась дачей; на самом деле это был дом в лесу. Сколько ни смотри кругом – на все 360 градусов ни жилья, ни постройки, ни человека. На север – поле, на юг – овраг, и за ним – густой лес.

Участок был приличный – соток десять, не меньше, аккуратной квадратной формы. На участке – большой бревенчатый дом, в котором можно жить зимой, баня и дровяной са-

рай, который одновременно служил отцу мастерской и гаражом для «УАЗика».

Когда шли дожди, добраться до дачи можно было только пешком или на мощном, настоящем джипе. Ну, «УАЗик», понятно. Он проедет везде. Но «Тойота»! Забраться в такую глушь на новенькой сверкающей «Тойоте», не побоявшись поцарапать выкрашенные в цвет кузова бампера и никелированный «кенгурятник»? Это было слишком. Значит, кому-то сильно приспичило приехать сюда. Зачем? И кому?

Я замер у калитки, ожидая.

Джип обдал меня жаром двигателя и сладким запахом дорогого неэтилированного бензина. Согласитесь, по запаху выхлопа можно многое сказать о машине, так же, как по запаху духов – о женщине, которая ими пользуется.

Честно говоря, в духах я не особенно разбираюсь; знаю только, что есть дорогие и не очень. А вот выхлопы – это моя страсть. Кто из нас в детстве не подставлял нос к выхлопной трубе? Девчонки, разумеется, не в счет.

Если отработанные газы едкие, и к ним примешивается запах сгоревшего масла, значит, пора менять маслоотражательные колпачки или, того хуже, маслосъемные кольца. Если выхлоп чересчур сладкий и к тому же черный, значит, карбюратор «переливает». Если просто сладкий, значит, вы ездите на отечественной продукции. Ну, а если у вашей машины выхлоп такой же благородный, как тот, которым обдал меня черный джип – значит, в карманах у вас полно портре-

тов американских президентов. Скорее всего, Франклинов.

Я остановился у калитки и повернулся к «Тойоте», ожидая, что из нее начнут выскакивать, как тридцать три богатыря в час прилива, коротко стриженные молодцы в кожаных куртках.

Водительская дверца – разумеется, с тонированным стеклом! – открылась и оттуда показалась нога в дорогом английском ботинке и брюках итальянского пошива. Да, что и говорить, Арт умел кидать понты! Это потом я узнал, что машина давно уже заложена, а деньги на бензин он одолжил у своего бывшего бухгалтера, сказав при этом: «Я и так должен тебе четыре тысячи. Запиши на мой счет еще сотню. Рассчитаемся». И бухгалтерша, немолодая тетка со стержовым характером, покорно отстегнула ему сотку: Арт всегда умел производить впечатление, особенно на старых теток.

Ну так вот, дверца открылась, и из машины появился Арт. Даже не появился. Он предстал передо мной.

О'кей, мне нравятся дорогие костюмы и модельная обувь, но если парень напяливает на себя красный галстук, то я не могу удержаться от смеха. Правда, у Арта он был не красный. Но все равно какой-то рискованный. Правда, не настолько, чтобы я рассмеялся.

Я просто стоял и ждал, когда он подойдет.

На вид он был мой ровесник. Типичная кавказская внешность: маслянистые карие глаза, крупные уши и крючковатый нос. Не такой здоровый, чтобы голову разворачивало

при сильном ветре, но все же он без проблем мог поковыряться языком у себя в ноздрях. Он шел, как обычно ходят кавказцы: расправив плечи и развернув носки стоп кнаружи, руки слегка согнуты в локтях, а ноги напоминают циркуль землемера. Природные кавказские понты под напускным европейским лоском.

Скажу вам честно – у меня нет таких дорогих костюмов (подозреваю, что и не будет), но я и в дешевом смотрюсь неплохо. Потому что умею его носить: просто и со сдержанным достоинством.

Правда, мне далеко до отца: он и в телогрейке выглядел, как английский лорд. Он словно не замечал, что на нем надето. И вы тоже не замечали. Его-то уж точно не встречали по одежке. А провожали... Никто его не провожал – он сам уходил, когда считал нужным. Но я забегаю вперед, об этом немножко позже.

Чтобы завершить описание Арта, добавлю одну маленькую деталь. В руке он держал сотовый телефон – по тем временам дорогая штука, не то, что сейчас, когда ими торгуют на вес, а потом с ехидным злорадством присылают сообщения: «Остаток ваших средств немногим больше, чем воробьиный член».

Так вот, Арт держал сотовый телефон в руке, хотя он был не настолько огромным, чтобы не уместиться в кармане.

Вам может показаться, что я смеюсь над Артом. Вовсе нет. Он оказался хорошим парнем.

Я просто посмеиваюсь.

* * *

Он подошел ко мне, склонил голову набок и прищурился. Наверное, это должно было означать: «Я здесь главный, а если ты думаешь иначе, то я порву тебя на части».

Да, именно так я это и расценивал. Я не могу расценивать такие косые взгляды по-другому. Наверное, и вы бы не смогли, если бы служили в стройбате, где на пятеро русских было двести горячих кавказских парней, из которых сто восемьдесят я потом встречал на московских рынках, выкрикивающих: «Съежий зелень! Съежий зелень!». Там я научился не бояться. Правда, в процессе обучения мой и так не идеальный нос еще больше искривился, и я стал туговат на левое ухо, но ведь могло быть и хуже: каждый день, вместо завтрака, обеда и ужина, я слышал: «Зарэжю! Зарэжю!». Но не зарезали: может, дело в том, что оставили кинжалы дома? Или в том, что я в школе занимался боксом? Опять-таки – спасибо отцу, он втравил меня в это дело. Но об этом я тоже еще расскажу.

Вы, конечно, можете сказать: мол, такой крутой, а испугался, когда подъехал дорогой джип.

Отвечу: да, испугался. Во-первых, черный «Лэнд-Крузер» среди машин, как питбуль среди собак – ничего хорошего от него ждать не приходится. Во-вторых, если не ошибаюсь,

в этой машине может поместиться девять человек. И, в-третьих, в руках у них могли бы оказаться вещицы не такие невинные, как сотовый телефон.

Поэтому сначала я немного испугался. Не обделался, не задрожал, не заплакал от страха, а просто – немного испугался. Взбодрился.

Этот испуг улетел, как воздух из лопнувшего шарика, едва я увидел, что ко мне направляется всего один человек среднего роста с мобильным в руке. Его я мог бы послать в аут любой рукой и с любой дистанции.

Поэтому я стоял и молчал: в конце концов, это же не я к нему приперся, а он – ко мне. И открывать калитку не торопился.

– Я – Артур, – сказал кавказец, переложил телефон в другую руку и протянул мне небольшую мягкую ладонь. – А ты – Саша?

– Александр, – ответил я и пожал протянутую руку; довольно крепко, чтобы он не питал никаких иллюзий насчет того, кто кого порвет в случае необходимости. Но калитку открывать не торопился: та информация, что он – Артур, казалась мне недостаточной.

– Мне позвонил твой отец и сказал, чтобы я приехал в семь, – словно в доказательство своих слов Арт потряс у меня перед носом телефоном, и я увидел, что на запястье у него – золотой «Ролекс» с бриллиантами на циферблате. Я тогда еще подумал, не расстегивает ли он первым делом ширинку,

когда знакомится с девушками. Наверное, я был недалеко от истины, и статуя Давида плакала бы горькими слезами от зависти, вздумай он помочиться неподалеку.

– И все? Больше он тебе ничего не сказал? – спросил я, заранее зная ответ; ведь отец был немногословен, даже в ТОТ день. Впрочем, мы еще не знали, что это был ТОТ день.

Арт пожал плечами.

– Ничего.

– Ладно.

Я открыл калитку и вошел первым. Я даже не посмотрел на него: пусть видит, чего стоят его понты на самом деле. Я слышал, как он сопел, пытаясь справиться с тугой щеколдой: это не дверца с доводчиком в «Лэнд-Крузере», тут придется повозиться – немного приподнять калитку и прижать ее бедром. Вообще-то, это не так сложно, за исключением того случая, когда на тебе – дорогой итальянский костюм и ты боишься его помять или, не дай Бог, испачкать.

Я поднялся на крыльцо и толкнул дверь. Она была не заперта.

Я очутился на летней застекленной веранде. Слева, у большого решетчатого окна, стоял стол, накрытый клеенкой. Я еще помнил то время, когда мать резала на нем овощи и мыла посуду. Вообще, я помнил только ЛЕТНЮЮ дачу; осенью, зимой и весной отец жил тут один. Если не уезжал куда-нибудь.

Все было, как много лет назад – крашенные скрипучие по-

лы, газовая плита, электрическая плитка, позволявшая экономить газ в баллоне, ведро для грязной воды и таз для умывания. Лестница, прислоненная к стене, вела к люку на чердак. А рядом с лестницей – дверь в дом. В его теплую, зимнюю часть. В доме стояла печка.

– Отличная печка! – говорил отец, но я так никогда и не узнал, насколько она хороша – летом топить не приходилось.

Вроде все как обычно. И вместе с тем что-то было не так. Немного позже я понял, что не так. Дом выглядел, как пальто на вешалке. Пустым.

* * *

Арт вошел на веранду следом за мной. Я заметил, что он ориентируется в обстановке: видимо, уже бывал здесь. Ну да, конечно, бывал – иначе как бы он сюда добрался? Как бы он нашел дорогу?

Кто он такой, этот Арт?

Не знаю, почему я сразу окрестил его «Артом». Имя Артур ему не подходило. «Арт» выглядело куда симпатичнее, учитывая его европейский – нет, скорее, американский – облик.

– Папа! – громко крикнул я и смутился. Не знаю почему, но я всегда испытывал смущение, называя его «папой». «Папа» казалось мне слишком мягким, примерно как «мамулечка». Отец? По-моему, это несколько грубовато. Отцом

можно называть за глаза, и это нормально, по-мужски, без сантиментов, но в лицо... Грубовато.

Я всегда ограничивался коротким «пап»; отсекал последнюю гласную, избавляясь тем самым от излишней приторности «папы».

Но в тот день я крикнул:

– Папа! – сам не зная, почему. Кстати, когда сын называет меня «папа», мне нравится. Смущается ли Васька при этом? Надо обратить внимание. Мне кажется, нет.

Никто не отвечал, и мы вошли в зимний дом.

Там тоже было пусто. Все аккуратно прибрано, полы вымыты, кровать застелена. Нигде – ни пылинки. Даже мух не было – и это летом-то! Правда, когда я открыл дверь, несколько все же залетели и тут же уселись на чистые окна.

– Смотри! – Арт указал на стол, заваленный книгами.

У отца была такая привычка: он много читал, и всегда – несколько книг сразу. Причем – самых разнообразных; Набоков лежал рядом с Толкиеном, а из-под тома Стивена Кинга выглядывал О’Генри.

Сейчас книги лежали не беспорядочно, раскрытые на недочитанных страницах, а четырьмя ровными стопками. Я машинально скользнул взглядом по названиям: обычная подборка в духе отца.

Чехов, Гоголь, Набоков, Кинг, Воннегут, Джойс, Эко.

На ближней стопке, покоящейся на «Зеленой миле» Кинга и заканчивающейся «Именем Розы» Эко, лежала записка.

«Мальчики, познакомьтесь! И переоденьтесь. Вещи в шкафу».

Семь слов. Что они означали? Только то, что могли означать эти семь слов.

– Ну что, мы вроде уже познакомились, – утвердительно сказал я.

Арт опять пожал плечами.

Я потом заметил, что он часто пожимал плечами. Наша, ИНДЕЙСКАЯ привычка. Мы пожимаем плечами, когда слова не нужны. Когда все и так понятно.

– Я – его сын, – продолжал я.

– Знаю, – ответил Арт. – Он мне рассказывал про тебя.

– Надеюсь, только хорошее? – эта фраза вылетает из меня сама по себе. Так уж повелось: когда кто-нибудь говорит, что ему про меня рассказывали, я автоматически спрашиваю: «Надеюсь, только хорошее?». Это как в боксе: бьешь, не задумываясь. Обычно говорят: «Да», и меня это вполне устраивает.

Но Арт сказал:

– Всякое. Многое.

И тут я насторожился. И спросил:

– А кто ты такой? В каких отношениях вы были с отцом?

– В хороших, – ответил Арт. – Он меня любил. Он жил с моей мамой.

Вот так вот. Арт сказал: «Он меня любил». Но он не сказал: «Он жил с нами». Он сказал: «Он жил с моей мамой».

Почему? До меня не сразу дошло. Я это понял позже.

* * *

Ну что же, такая выходка была в духе моего отца: свести двух сыновей – родного и приемного – с тем, чтобы они познакомились, а самому улизнуть. С другой стороны, ведь он мог сделать это и раньше. Гораздо раньше.

Он ушел от нас давно. Мне было двенадцать.

Как пишут в романах: «В один прекрасный день...». Но этот день был далеко не прекрасным. Я проснулся, а отца не было. И вещей его тоже не было.

Не было книг, сигарет на столике рядом с телевизором, носков на сушилке в ванной комнате, рубашек в шкафу и джинсов на полках. Ничего не было. Остались только модели самолетов, которые мы с ним собирали.

Не совру, если скажу, что для меня это было неожиданно. Конечно, я не был совсем тупым даже и в двенадцать лет: я видел, что у них с матерью что-то не ладится. Что-то постоянно трещит и рвется. Но я боялся это замечать: мне казалось, что если я замечу то, что они пытались от меня скрыть, все развалится окончательно. Это вроде как ты смотришь на пылающий дом и боишься крикнуть: «Пожар!».

И вот однажды я проснулся, а отца не было. Видя мой немой вопрос, мать, пряча глаза, ответила, что папа больше не будет жить с нами. Никогда.

Я легко улыбнулся и кивнул: да, мол, конечно. Все в порядке. Я так и думал. Все хорошо.

Я сказал, что пойду погуляю. И пошел – даже не почистив зубы. Я едва сообразил, что надо снять пижаму и одеться, раз уж я собрался гулять.

Я зашел на какую-то заброшенную стройку и ревел там целый день. Это – еще одна ИНДЕЙСКАЯ привычка. Это чужь, что мужчины не плачут. Плачут. Но только этого никто не должен видеть.

Это произошло спустя два месяца после того, как отец посвятил меня в свою ТАЙНУ.

* * *

– И... долго он с ней жил? – спросил я, подразумевая совсем другое: когда? Когда он с ней жил?

Не скрою, меня всегда интересовал ответ на этот вопрос: почему ушел отец? Кто был в этом виноват?

Я задавал его себе снова и снова. Тысячу раз – потому что не мог задать его больше никому. Черт, это же так просто: всегда кто-то виноват. Но кто? Он или она?

Простой вопрос, правда? Он или она? А если задать его по-другому? Отец или мать? Чувствуете, какие начинаются сложности? Не знаю. Кому как, а мне было трудно обвинить кого-нибудь из них. Ведь они были мои родители, и я любил их обоих.

Наверное, поэтому я довольствовался расплывчатым: «Так получилось». Вроде – никто не виноват. Просто так получилось.

Я так вошел в роль дурачка – разве что слюнку не пускал. Мать вышла замуж через четыре месяца.

* * *

Арт поморщился.

– Два года. Почти два года.

– Два года? Почему так мало?

– Долгая история.

– Мы не торопимся. Тебе не кажется, что это несправедливо: ты знаешь про меня многое, а я про тебя – ничего. Расскажи мне, как это случилось? Я хочу знать, ведь речь идет о моем отце. Когда они познакомились?

Арт нехотя опустил в старое кресло, я сел напротив – на диван.

– Они познакомились... десять... Нет, девять лет назад. Моя мама – Рита – ушла тогда от папы. Он почти в открытую жил с другой женщиной. Ну, и... – Арт не хотел об этом говорить, но знал, что должен. Я бы его заставил. – Ей подвернулся твой отец.

Это неприятно резануло мне слух. «Подвернулся!». Отец был не из тех, что подворачиваются.

– И они прожили два года, – закончил Арт. – Почти два

года.

– А почему расстались?

– Потому, что вернулся мой папа, – как о чем-то, само собой разумеющемся, сказал Арт. В этот момент я его ненавидел. Ненавидел потому, что вся его фигура говорила: «Ведь мой папа лучше твоего отца, о чем тут спорить?». – Вернулся в семью, вот и все. Мама его простила. Он простил ее – за то, что жила с твоим отцом. В общем, у нас теперь все хорошо.

Я приподнялся с дивана и заметил в глазах Арта беспокойство: наверное, вид у меня был не самый благодушный.

– У вас все хорошо? Ты хочешь сказать, что вы просто забыли об этом досадном происшествии? Да? Вы просто вычеркнули тот факт, что два года мой отец жил с твоей матерью? Так ведь? Тогда позволь мне задать тебе еще один вопрос, Арти, – да, тогда я в первый раз назвал его Артом. – Какого хрена ты сюда приперся, дорогой мой? К человеку, которого вы все так стараетесь забыть? Стереть из памяти?

Арт замкнулся. Он сразу как-то изменился: стал серьезным и высокомерным, будто мы с ним вели переговоры о купле-продаже Китая.

– Это – мое дело. Это касается только меня и твоего отца. Он позвонил – я приехал. Он не сказал, что ты тоже будешь здесь.

Мы надолго замолчали. В доме стояла тишина. Абсолютная, непроницаемая тишина. Даже часы не тикали.

Сколько времени мы просидели молча, я не знаю. Мы ве-

ли себя, как хорошие актеры в плохой пьесе: тянули паузу до последнего.

Наконец Арт не выдержал и сказал:

– Интересно, зачем он нас позвал? Только познакомиться?

– Было очень приятно, – буркнул я. – Похоже, теперь настало время переодеться.

Почему я подошел к шкафу? Почему я даже не задумался, а СТОИТ ли мне переодеваться? Не знаю. Отец написал: «Переоденьтесь», значит, так и надо было сделать.

Я открыл шкаф. Там двумя аккуратными стопками лежала одежда. Ничего особенного – старая отцовская одежда. Две пары джинсов и две футболки. Но я обратил внимание, что они тщательно выстираны и поглажены. И еще увидел, как Арт поморщился.

– Я не собираюсь надевать ЭТО, – сказал он. Но в его голосе уже не было прежней уверенности. Гримаса брезгливости – да, была, но по голосу я чувствовал, что отвращения он не испытывает. Вроде как ребенок, который очень хочет есть, но обязательно сначала должен поломаться при виде тарелки с кашей.

По сути, Арт таким и был – избалованным ребенком. Но кашу он все равно ел – я это видел по лицу.

Поэтому я не стал его уговаривать: взял ту стопку, где вещи были похуже, постарее, отошел к окну и начал переодеваться. Я слышал, как Арт после некоторого раздумья с гор-

таннным ворчанием стал открывать все отделения шкафа.

– Что ты делаешь? – спросил я, не оборачиваясь.

– Ищу вешалку. Не могу же я бросить костюм на диван. Ты знаешь, сколько он стоит?

Я догадывался, сколько он стоит. И еще я знал, что в жизни Арта есть кое-что, стоившее гораздо дороже костюма и «Тойоты». Иначе бы он не приехал. Но я не торопил его расспросами. Придет время – сам расскажет.

Старая одежда отца пришлась мне впору. Я машинально посмотрел на себя в зеркало. Думаю, все люди делают это именно машинально, а не из желания покрасоваться: просто нам необходим взгляд со стороны. Хотя он заведомо неверный: ведь зеркало многое меняет. Переворачивает.

(Кстати, почему зеркало меняет местами право и лево, а верх и низ – нет? Тоже один из вопросов отца, на который я так и не нашел ответа).

Я был готов. Похлопал себя по карманам джинсов: так, будто это были мои карманы и мои джинсы. И что вы думаете? В правом лежал листок бумаги, сложенный вчетверо.

На нем было написано: «Если боишься не вернуться – значит, ты не готов начать путь. Идите в сарай. Обувь на заднем крыльце. Тебе подойдут кеды, Сандрик».

Это походило на игру: одну из бесчисленных мистификаций, которые любил устраивать отец. Он не мог по-другому – иначе ему было скучно. А с ним было весело. И интересно.

Стоп! Я запнулся, оборвав бег своих мыслей на середине.

В записке он назвал меня Сандриком. Выходит, он знал, что я возьму именно эту стопку – ту, что похуже.

Ну да, конечно, знал. Мальчики из бедных семей всегда так и поступают: берут со стола куски поменьше. Потому что они боятся. Боятся, что кто-нибудь скажет: «Смотри, какой оголодавший! Как дворняга – рад любой подачке!».

Но я не любил подачки. Я их ненавидел – потому что я никогда не был дворнягой.

Когда новый мамин муж, дядя Вова (я его так называл – это было частью образа дурачка), подарил мне шахматы, я на следующий же день взял их с собой на улицу. Сказал, что похвастаюсь перед друзьями.

Знаете, какое у него было лицо? Белое, пухлое, с блестящим от жира лбом. Он удовлетворенно кивнул, мол, смотри-ка, малыш, ты уже ешь у меня с руки.

Я сжег эти дурацкие шахматы: не торопясь, фигуру за фигурой. Они были покрыты каким-то вонючим лаком и очень плохо горели. Мне потребовался целый день, чтобы сжечь их. Но я их сжег.

Что значили для меня эти сраные шахматы по сравнению с каменными истуканами острова Пасхи? Ровным счетом ничего. Потому что я не был дворнягой, я был сыном НАСТОЯЩЕГО ИНДЕЙЦА, и всегда помнил об этом.

Арт тоже переоделся, но в его карманах записки не оказалось. По-моему, он выглядел обиженным. Ведь, если мне досталась записка, то ему отец должен был оставить как минимум посылку с указанием ценности: сто миллионов долларов.

Забавно было смотреть, как Арт тщательно обыскал все карманы, а потом проделал это еще дважды. Он увидел, как я улыбаюсь, и сказал:

– Я просто хотел узнать, что делать дальше, вот и все.

– Идти в сарай, Арт. Неужели не понятно?

– Ну да, – он опять пожал плечами. – Конечно. Пойдем.

Мы вышли из зимнего дома и через веранду прошли на заднее крыльцо. Там я обнаружил две пары обуви: кеды и кроссовки. Причем кеды были почти новые, а кроссовки выглядели так, словно именно в них Александр Македонский отправился покорять Индию.

По логике вещей, кеды должны были достаться Арту. Но кроссовки были меньше, и я бы никак в них не влез, к тому же отец четко указал в записке, кому полагается надеть кеды.

Арт немного поворчал, но я не обращал внимания. Я уже понял, что это его обычная реакция. Он обязательно должен был выразить свое недовольство. Я в подобных случаях молча делал то, чего не хотел делать; наверное, поэтому окружа-

ющие считали меня послушным и покладистым ребенком. Еще одна ошибка: я не смирялся, я просто сжимал пружину внутри себя до предела, и когда-нибудь она должна была распрямиться.

Мы вышли через заднее крыльцо и подошли к сараю. Это было большое, уже порядком обветшавшее строение, сколоченное из горбыля и обрезков досок. Сарай походил на большую букву Г; в длинной, вертикальной, перекладине размещался гараж и за ним – несколько рядов полениц.

В короткой палочке была мастерская отца, где он вечно что-нибудь строгал, пилил и сколачивал.

Войти в сарай можно было только одним путем: через дверь в воротах. Ворота располагались в нижней части длинной палочки буквы Г, изнутри их запирали огромный засов. В правой створке ворот была сделана дверь.

Мы стояли и тупо смотрели: дверь была закрыта. Навесного замка не было, но врезной был заперт. Сколько мы ни дергали за ручку, ни стучали, ни кричали – все без толку.

– Идите в сарай... – сказал Арт. – Но он же заперт.

– Заперт изнутри, – уточнил я.

– Это неизвестно, – парировал Арт. – Может, он закрыл его снаружи, а сам ушел гулять?

Такое тоже могло быть. С отцом все что угодно могло быть.

Положение осложнялось тем, что в сарае не было окон.

– Ну что, будем ломать дверь? – спросил я.

– Наверное, – ответил Арт, но без особой уверенности.

– А чем мы ее будем ломать? Все инструменты – в сарае.

– Не знаю.

Да... До чего же я ненавижу все эти «не знаю», «так получилось», «наверное, точно»... Чужие слова, пустые, ненужные. **НАСТОЯЩИЕ ИНДЕЙЦЫ** никогда так не говорят.

– Может, где-нибудь лежит ключ? – в голосе Арта звучала затаенная надежда.

– Может быть... Лежит где-нибудь, греется на солнышке, потягивает кока-колу со льдом и смеется над нами. Все может быть, Арт.

– Чего ты на меня набрасываешься? Я просто подумал...

Я перебил его.

– В этом твоя беда: что ты **ПРОСТО** думаешь. Вы, видимо, все **ПРОСТО** думаете. У вас все – очень **ПРОСТО**.

– Ты чего, Саня?

И впрямь. Чего это я? При чем здесь он?

– Ничего. Это я так. Не сердись...

Арт повеселел. Он любил, когда перед ним извинялись, а мои слова звучали почти как извинение.

– Слушай, я вспомнил, у нас на двери подъезда висит объявление: «Вскрытие замков любой сложности». И там – номер телефона. Давай, я сейчас позвоню по мобильному домой, мама спустится, посмотрит номер, скажет мне...

Он замолчал. Наверное, прочел что-то в моих глазах.

– Арти, давай лучше триста пятьдесят шесть раз хором

повторим: «Сезам, откройся!». Если уж и это не поможет, то придется ломать дверь. В твоей машине есть какие-нибудь инструменты?

– Откуда я знаю? Я же ее не ремонтирую, я на ней езжу.

Я взглянул на него и понял, что Арти даже не знает, как открывается капот.

– Пойдем вместе, посмотрим.

Мы вернулись к его шикарной «Тойоте», и Арт открыл багажник. Огромная дверь бесшумно откинулась на мягких петлях, и я увидел идеально чистый багажник, обитый какой-то ворсистой тканью.

Я поднял коврики и нашел компрессор, кейс с инструментами и баллонный ключ. На ум пришла старая загадка: «Что у хорошего водителя ржавеет, а у плохого – блестит? Гаечные ключи». У Арта ключи блестели, но не думаю, что он пользовался ими хоть раз.

Ковыряться в своих убитых «шестерках» – это удел мальчиков попроще, вроде меня.

Я открыл кейс и нашел там здоровую никелированную отвертку и молоток.

– Закрывай! – сказал я, предоставив Арту складывать все на место, а сам поспешил к сараю. Мне почему-то очень хотелось туда попасть.

Но Арт поступил проще: хлопнул дверцей, и все. Наверное, он думал, что достаточно нажать на кнопку сигнализации, и ключи сами прыгнут в кейс, а кейс – накроется ков-

риком.

А может, он тоже хотел побыстрее попасть в сарай? Не знаю. Но лучше бы мы не торопились.

* * *

Однажды летом – тем самым, последним летом, после которого он ушел и тем самым летом, когда он рассказал мне ТАЙНУ – отец притащил на участок здоровое бревно. Я помню, как он его тащил – пропустив снизу толстую веревку и связав концы на голой спине.

Веревка и узел отпечатались на его красной коже, как резинка от трусов после долгого сна, но только гораздо сильнее.

Отец шел спиной вперед, наклонившись под углом в сорок пять градусов. Его пятки оставляли в мягкой сырой земле глубокие отпечатки, а за концом бревна тянулась длинная борозда.

Отец бросил бревно рядом с сараем, вытер пот со лба и подмигнул мне.

– Мы будем делать тотем! – сказал он.

Я помню, как терпко от него пахло: потом. В аромате лета, смешанного из множества различных запахов: скошенной травы, сладости клевера и липового цвета, я всегда ощущаю терпкий запах отцовского пота. А стоит мне закрыть глаза, и я чувствую колючие иголки его щетины.

Я всегда удивлялся: как мать может с ним целоваться, с таким колючим? Правда, в то лето они почти не целовались, и он ходил с небольшой щетиной, в которой уже пробивалась седина. В то лето он начал сесть. Наверное, это было просто совпадение.

– А что такое тотем? – спросил я.

– Тотем... – отец задумался. – Тотем, это... Родовой знак индейцев. Символ племени, к которому ты принадлежишь. А если брать более широко, тотем – это рок. Судьба. Пони-маешь?

Я кивнул, но по-настоящему понял это только тринадцать лет спустя, в тот самый день, когда мы с Артом...

– И какой у нас будет тотем? – поинтересовался я. – Давай сделаем волка. Или – орла.

Но отец покачал головой.

– Нам не нужно придумывать свой тотем. Он у нас уже есть.

Вот те раз! Для меня это было новостью. Оказывается, у нас уже есть тотем. Значит? Мы – индейцы?

Помню, что я только подумал это. Я не сказал это вслух, только подумал. Но отцу слова были не нужны.

– Да, Сандрик, – сказал он загадочным шепотом. – Но это – ТАЙНА. Ты умеешь хранить тайны?

И я, так же шепотом, ответил:

– Умею.

Конечно, я в тот же вечер разболтал все матери, но она

отнеслась к нашей ТАЙНЕ как-то безразлично. Она выглядела усталой и озабоченной. Она даже не выслушала меня до конца, и мне стало не по себе. Будто бы я предал: и отца, и нашу – теперь уже нашу общую – ТАЙНУ.

Отец сходил в сарай и вернулся оттуда с инструментами. Под мышкой у него был зажат топор, в руке он нес ножовку и долото с деревянным молотком. Это называется «киянка», сказал отец.

Сначала он отпилил от бревна кусок длиной метра в три. Быстро очистил его топором от коры. Затем сделал несколько поперечных зарубок, намечая контуры будущего тотема. Потом настала очередь долота и киянки. Он осторожно вырубал куски древесины, а я смотрел, как зачарованный, за каждым его движением.

– Хочешь попробовать? – спросил отец.

Конечно, я хотел. Но еще больше я хотел, чтобы у меня это получилось так же ловко, как у него. После того, как я четыре раза попал киянкой по руке, пылу у меня поубавилось.

Я посмотрел на левую руку; место между большим пальцем и ладонью покраснело и распухло. Я протянул долото и киянку отцу.

– Давай лучше ты!

Он засмеялся, но совсем не обидно. Отец снова ушел в сарай и вернулся с брезентовой рукавицей.

– Надень.

Я нехотя надел рукавицу.

– Попробуй еще раз.

– Нет, я больше не хочу, – я стал стягивать рукавицу и услышал: отец будто бы говорил сам с собой.

– Индеец, который не научится метать томагавк, погибнет в первом же бою. Индеец, который не научится стрелять из лука, умрет от голода. Индеец, который не может сделать тотем, лишится своего рода. И счастливой судьбы. И никто никогда больше не вспомнит о нем.

Я засопел, всем своим видом давая понять, как мне не хочется делать этот чертов тотем, и как мне не нравится эта затея. Отец молчал.

Я с отвращением стукнул киянкой по затылку долота. Получилось вполне сносно. И главное – я не попал по руке.

Я ударил сильнее, со злорадством думая: «Смотри, сейчас я сломаю себе пальцы, и ты будешь в этом виноват». Но я не сломал пальцы. Удар пришелся точно по долоту.

Я бил все сильнее и сильнее, но киянка безошибочно находила инструмент в моей руке. И, скажу я вам, у меня здорово получалось. Мне даже понравилось.

– Штука в том, что ты чувствуешь себя защищенным, хотя защита из брезентовой рукавицы не ахти, согласишься?

Я не ответил – продолжал долбить, только щепки летели.

– Ты сможешь работать и без рукавицы. Ее не обязательно надевать на руку; достаточно надеть ее в своей голове, – отец постучал себя пальцем по лбу. У него это получилось звонко, почти как у меня – киянкой по долоту.

Я рассмеялся.

Таких маленьких фокусов отец знал великое множество. Простые, казалось бы, примитивные, вещи. Теперь я тоже их знаю.

* * *

Я подошел к двери сарая и прикинул: если вырубить кусок доски со скобой, в которую заходит язычок замка, то можно будет обойтись наименьшими потерями.

Я поставил отвертку, как долото, и замахнулся. Арт молча стоял рядом и смотрел. И правильно делал, что молчал. Если бы он сказал хоть слово, я протянул бы ему инструменты и сказал: «Давай-ка сам, дружок!». И посмеялся, глядя, как он лупит себе по пальцам. Потому что в простых вещах тоже бывают некоторые сложности. Например, как надеть рукавицу в голове. Едва ли Арт знал об этом.

Сухое дерево быстро крошилось. Я прорубал доску насквозь за два удара, вытаскивал отвертку и немного передвигал ее. Наконец скоба подалась и упала.

Этот момент я запомнил хорошо. Мы с Артом почему-то замерли перед дверью, словно боялись ее открыть. Словно предчувствовали что-то.

Наконец я решился, взялся за ручку и потянул на себя.

В сарае было темно. Я стоял и пялился в темноту, а Арт устался в дверь; точнее, на ее внутреннюю сторону. По-

моему, он даже рот открыл. Я проследил за его взглядом и увидел, что изнутри в дверь вбит гвоздик, а на гвоздике приколота записка.

«Арти, дорогой! Когда же ты поймешь, что не все двери открываются ключами. Некоторые приходится ломать. Если, конечно, хочешь войти».

На том же самом гвоздике висел ключ от замка.

Отец тоже звал его Арти... Вот так штука!

* * *

Я внимательно посмотрел на Арта:

– Ты ничего не хочешь мне сказать? Какие двери он имел в виду?

– Неважно, – угрюмо ответил он. – Это – мое дело.

«Черт с тобой», – подумал я. На словах это звучало немного мягче.

– Ладно. Не хочешь – не говори.

– А ты? – он повернулся ко мне. – Ты обо всем хочешь говорить? Да? Ты готов обо всем рассказывать первому встречному?

Я застыл на пороге сарая. «А ведь он прав. Кто я для него? Первый встречный. Собственно, как и он для меня. Мы оба друг для друга – случайные люди. И тот факт, что его мать жила с моим отцом, ничего не меняет».

И все же мне очень хотелось понять: что значил мой отец

для Арта?

– Я здесь только потому, что он позвонил, – продолжал Арт. – Ты прав, может, это и несправедливо. Я знаю о тебе больше, чем ты обо мне. Но из этого не следует, что я должен обо ВСЕМ рассказывать. Не так ли?

Тут уж настала моя очередь пожимать плечами. Крыть было нечем. Образно выражаясь, Арт выдавил из меня все пушки.

– Согласен. Пойдем в сарай?

– Там темно.

– Не проблема. Позвони по мобильному, вызови электрика.

Арт засмеялся.

– Как же вы похожи! – он вошел первым и принялся возиться с засовом на воротах.

– Не вижу в этом ничего удивительного, – пробурчал я и последовал за ним.

* * *

Я очень часто слышал эти слова. Я к ним привык.

«Как же ты похож на своего отца!» – повторяли все вокруг на разные лады. Но чаще всех, конечно, мать.

Она говорила это укоризненно. С упреком, будто бы я был в этом виноват. А на кого же мне еще быть похожим, кроме как на отца?

Ведь не на дядю Вову же, правда? Хотя, наверное, он тоже был не таким уж и плохим. Но я подумал об этом только сейчас, когда сообразил, что для Арта мой отец был все равно что дядя Вова – для меня. Отчимом.

– Арт! Ты сказал, что он любил тебя. Так?

– Ну? – звяканье засова прекратилось.

– А... – это был еще один простой вопрос, но ведь именно самые простые вопросы труднее всего задавать. Возможно, потому, что на них получаешь простые ответы, которые, как ни крути, означают только одно: да или нет? Он или она? И все. Простые ответы не допускают другого толкования. Только черное или белое. – Арт! А ты любил его?

Арт снова зазвенел засовом.

– Черт! Он никак не открывается.

Арт дергал во все стороны, но засов не поддавался. Арт громко сопел и что-то бормотал себе под нос. Наконец я услышал щелчок засова, и Арт распахнул ворота. Теперь свет проник в сарай и мы увидели старый, но ухоженный «УАЗик»-микроавтобус, и за ним – уложенные ровной стопкой дрова.

Арт ответил. Тогда его ответ показался мне слишком уклончивым. В нем не было ни «да», ни «нет». Для него, помимо черного и белого, существовало множество оттенков серого цвета.

Сейчас я понимаю, что Арт всегда был умнее меня. Практичнее.

Он сказал:

– Я ценю то, что он для меня сделал.

«Ну что ж? И на том спасибо», – подумал я.

Потом я, конечно, понял, что напрасно спросил его об этом. Зачем? Любил – не любил, какая разница? Ведь он приехал, не так ли? И он мне помог. Один я бы не справился. А это, знаете, стоит гораздо дороже, чем ответ: «Да, конечно, любил. Очень любил. Его все кругом любили. Прямо-таки заходились в судорогах от любви!».

Потому что поступки важнее, чем слова. И Арти совершил поступок, достойный НАСТОЯЩЕГО ИНДЕЙЦА.

Но это сейчас я все понимаю. А тогда мне почему-то очень хотелось выяснить, любил ли он моего отца, или относился к нему, как я – к дяде Вове?

В общем, тогда я так и не разобрался.

* * *

Ну, а что – дядя Вова? Так ли он был плох? Не знаю. Я же не мог оценивать его объективно. Да, мать мне все объяснила. Однажды, когда мы были одни, она пришла, села рядом и обняла меня. Крепко и нежно, как давно уже не обнимала.

Она сказала, что знала дядю Вову еще до того, как познакомилась с отцом. Что он, можно сказать, ее первая любовь. И что она счастлива. Теперь она счастлива.

Мать могла говорить все, что угодно. Она чувствовала за-

пас моей прочности. Она знала, что я не стану ей возражать – хотя бы потому, чтобы не расстраивать ее. Я просто молча кивал, и этого было достаточно. В тот день реплики мне не полагались. Она захотела поделиться со мной своим счастьем – о'кей! Едва ли она ждала от меня ответной открытости. Потому что тогда я бы ей вывалил, что индейцы с острова Пасхи пожалели бы стрел на эту жирную белую задницу, за которую она выскочила замуж, не успев сносить пары башмаков после предыдущего мужа, как говаривал старина Гамлет про свою матушку Гертруду (у него были похожие проблемы). Правда, я находился в лучшем положении по сравнению с Гамлетом – моему отцу никто не вливал яд в ухо.

И все же дядя Вова был для меня омерзителен не менее, чем Гамлету – Клавдий. Случилось это следующим летом. Следующим после того, как ушел отец.

Мы втроем поехали в Крым: дядя Вова, мать и я. Сняли комнату в небольшом чистеньком городишке на берегу моря. В комнате стояла двуспальная кровать, а мне досталась раскладушка на лоджии. Прекрасно! Я был доволен. Раскладушка так раскладушка, лишь бы отдельно.

Знаете, я очень боялся услышать, как они будут ЭТИМ заниматься. Ужасно не хотел. И все же – услышал.

В первый же день я сильно обгорел. Я, как и отец, никогда не загораю до коричневого цвета. Мы с ним всегда становимся темно-красными, как хорошо настоявшийся чай каркаде.

Ну, вот я и обгорел. И у меня жутко болела спина, поднялась температура, кружилась голова. Короче, я не мог уснуть. Не уложился в контрольный срок, который они мне отводили. Я просто лежал на животе и не шевелился, что вполне естественно, потому что вся кожа у меня горела. Я чувствовал себя недожаренным бифштексом, который успел подрумяниться с боков, а внутри него осталась сырая кровь.

И вдруг я услышал тихое сопение. Такое тихое, даже можно сказать, деликатное. Но – неуклонно нарастающее.

В те годы я не знал наверняка, что оно должно означать, но догадывался. Мы, мальчишки, рассказывали друг другу кучу анекдотов на эту тему. Правда, не всегда знали, где нужно смеяться, поэтому напряженно следили за рассказчиком и друг за другом.

Значительный вклад в мое сексуальное образование внес Виталька Баскаков, по секрету поведавший, что означает слово «блядовать». Слово было каким-то некрасивым, неприятно режущим слух; с самого начала было ясно, что оно должно означать что-то ужасное. Какое-то жуткое извращение. Так оно и оказалось.

Если верить Витальке, то «блядовать» (я попытаюсь оперировать медицинскими терминами) – значит проводить половой акт, не вынимая член из влагалища, тогда как его предполагается вынимать после каждой фрикции. И я в это верил.

Он же сообщил мне, что его двоюродный брат (старше нас на год) со знакомой девчонкой вырастили в банке маленько-

го человечка. Для этого потребовалось всего ничего: от брата – сперма, и от девчонки – девчачья сперма; Виталька уверял, что такая существует. Я загорелся этой идеей и хотел немедленно приступить к опытам, но у меня не было знакомой девчонки. Ерунда, я бы увлек кого-нибудь своим энтузиазмом, но мне нужно было знать наверняка, что дело выгорит. Я спросил Витальку, не может ли он показать мне этого человечка, и Виталька ответил, что обязательно покажет. Обязательно. На днях.

Через неделю оказалось, что человечек умер, и я отказался от своей затеи. Но не потому, что почувствовал подвох; мне казалось, что я не перенесу смерть близкого существа. Ведь тогда я был бы ему как отец.

Теперь вы видите, какой я доверчивый. Точно так же – безоговорочно – я поверил и отцу. Поверил в его ТАЙНУ.

Правда, есть одно очень большое отличие. Теперь я знаю, что означает просторечное «блядовать», и не пытаюсь выращивать в банках маленьких человечков, потому что все это – чушь.

Тогда как ТАЙНА – существует.

Можно пережить омерзительное пыхтение дяди Вовы, можно смириться с тем, что никогда не станешь отцом человечку из банки, можно «блядовать», чем мы и занимаемся с Наденькой; правда, все реже и реже, – но нельзя даже подумать, что ТАЙНЫ не существует. Иначе – все зря?

Конечно, нет. Каменные истуканы острова Пасхи вам под-

твердят. Ну, а если вы и им не доверяете – спросите Арта. Он малый без воображения, но честный. Спросите его – он вам ответит.

* * *

Мы подошли и стали рядом с серым «УАЗиком». Он занимал почти всю ширину сарая: от боков машины до стен оставалось не более метра. Меня удивило то, что машина стояла, обращенная передом к воротам. Обычно отец поступал наоборот: заезжал в сарай передом, а выезжал – задним ходом. Но сейчас он специально поставил машину так, чтобы было легче выехать. Чтобы НАМ было легче выехать.

«УАЗик» был чистенький, опрятно блестящий в красноватых лучах заходящего солнца. Мне всегда нравилась его дружелюбная физиономия: круглые фары, будто удивленные глаза, ячеистая сетка воздухозаборника и прочный железный бампер, широкий, как улыбка, которую не портили даже массивные крюки, напоминавшие клыки добродушного бульдога. Лобовое стекло походило на лоб мыслителя: таким оно было высоким и чистым.

– Ну что? Пойдем дальше? – спросил я Арта.

Ответа не требовалось: и так было понятно, что надо идти дальше, обследовать весь сарай до конца; об этом недвусмысленно говорил ключик, висевший на гвоздике, вбитом во внутреннюю сторону двери. Но я все-таки спросил – на-

верное, потому, что еще не был готов к этому пути. «Если боишься не вернуться – значит, ты не готов начать путь». Ведь так было написано в записке? А я очень боялся не вернуться. Мне почему-то захотелось броситься и убежать с этой дачи прочь, обратно в город: затаиться, жить своей тихой, размеренной жизнью, втайне мечтать о Наденьке и ее ножках, делать неблагодарную черновую работу в газете и... Ждать нового звонка. Ждать, пока отец не позвонит и не скажет:

– Ну, что ж ты, Сандрик? Не решился войти в сарай? Не решился пойти до конца?

С другой стороны – «некоторые двери приходится ломать». И мы это уже сделали. Стало быть, мы начали путь, даже не подозревая об этом.

– Конечно, пойдем, – ответил Арт, и в его голосе было куда больше уверенности, чем у меня в душе.

Арти поставил меня на место. Он умел быть разным. Когда дело касалось пустяков, он горячился, давая волю южному темпераменту: сверкал черными глазами, размахивал руками, выкрикивал непонятные слова, но если речь заходила о чем-то серьезном, то и Арт становился серьезным. И очень твердым. Спасибо ему за это.

Не сговариваясь, мы обогнули «УАЗик» с разных сторон и пошли, протискиваясь между машиной и стеной.

Мы дошли до середины, когда я услышал голос Арта:

– Саша! Ты думаешь, он жив?

Черт побери! Думал ли я, что он жив?

Я боялся задавать себе этот вопрос. И уж тем более – боялся задать его Арту. Наверное, и он тоже, иначе спросил бы напрямик, а не в тот момент, когда между нами было «две тонны надежного армейского железа», – так обычно называл «УАЗик» отец.

Мы остановились. Одновременно, будто наладили какую-то мысленную связь. Мы стали чувствовать друг друга. С той секунды мы стали ближе, хотя, может, это и глупо звучит: стали ближе тогда, когда нас разделяла здоровенная машина.

Я не видел Арта, не видел его глаза, но я понял, что сейчас он не соврет; именно потому, что мы не видим друг друга. Поэтому я и спросил:

– Арти, почему ты сказал, что отец жил с твоей матерью? Не с вами, а с твоей матерью?

Арт молчал, но я знал, что он просто собирается с мыслями, а не выдумывает правдоподобное вранье.

– Видишь ли, Саня, – ответил он медленно, немного нараспев, и мне впервые понравился его акцент – такой мягкий и плавный. Понравилось то, как он произносил слова. Я и сейчас по этому певучему акценту безошибочно отличаю обрусевшего кавказца. Они поют на русском. И вообще в моем отношении к ним со времен армии многое переменилось. Благодаря Арту: самому лучшему парню из всех, которых я знал.

– Видишь ли, Саня, – повторил он. – Мне было уже пят-

надцать, когда в нашей семье все это случилось. Папа приехал в Москву заниматься бизнесом. Мы с мамой приехали позже. И тут она узнала, что у папы – роман. Мама всегда была гордой – она развернулась и ушла. Папа знал, что допустил ошибку. Но он также думал, что эта ошибка – вполне простительна для мужчины. Кто-то должен был уступить. Они любили друг друга, и я видел, как им тяжело, но никто не хотел сделать первый шаг. Ты понимаешь?

Я кивнул: так, словно Арт мог меня видеть. Но я же говорю, что в тот момент мы чувствовали друг друга. Поэтому Арт продолжал:

– Мы с мамой стали жить отдельно. Но я почти каждый день виделся с папой. Я не уговаривал их, не настаивал, не просил. Я просто делал так, чтобы они понимали, что я люблю их обоих.

– Ты хотел... – у меня перехватило дыхание, и я снова обрадовался, что между нами – отцовский «УАЗик». – Ты хотел помирить их?

– Да, – ответил Арт. – Хотя в то время я об этом не думал. Я просто спускался в метро и ехал из Теплого Стана на Рижскую. А потом – обратно. И вел себя так, будто ничего не случилось. Будто все осталось по-прежнему.

Вот оно в чем дело! Арт не давал семье распасться. Он словно не замечал этого. Он не сжимал пружину, как я; он отказался быть гибким и занять чью-либо сторону. Эта позиция не могла не вызвать у меня уважения. Я даже подумал,

что, если бы я...

– Видишь ли, Саша, пятнадцать лет – это не двенадцать. Вот в чем дело...

Арт будто прочитал мои мысли, он понял, что взволновало меня больше всего: а смог бы я поступить так же?

– Папа не сразу бросил ту женщину. Не знаю, почему. А мама познакомилась с твоим отцом. И все стало гораздо сложнее. Потому что я не мог любить троих. Ты спросил меня, любил ли я твоего отца. Он был очень хороший, Саша. Он был... Необычный. Я всегда понимал это, но не мог его полюбить: ведь у меня уже был отец.

– Он это видел? Он чувствовал это?

– Да. Я никогда это не скрывал. Но, видимо, он понимал и другое.

– Что?

– Мама тоже его не сильно любила. Скорее, она мстила папе и страдала от одиночества: не забывай, у нас никого не было в этом большом городе. Наверное, поэтому я и сказал «подвернулся». Прости. Я не хотел обидеть ни его, ни тебя. Так бывает, Саня. Взаимная любовь – вообще редкая штука. Я знаю, что он любил ее – очень сильно. Но она не испытывала к нему тех же чувств. И не могла дать ему то, что он хотел. Наверное, это хорошо, что они расстались.

– Конечно, Арти! Ведь ты снова обрел семью, – едко сказал я. Ничего не могу с собой поделать, но, когда я теряюсь, то становлюсь очень ехидным. И мне жутко хотелось уколоть

Арта, досадить ему хоть чем-нибудь.

Арт не рассердился.

– Да. Он вовремя ушел.

«Вовремя ушел». Это был один из талантов отца. Он все делал вовремя. Но тогда меня поразила совсем другая мысль. Поразила настолько, что я едва устоял на ногах.

– Арти, – сказал я. – А ты не думаешь, что он именно «вовремя» появился?

– Что ты имеешь в виду? – по голосу я почувствовал, как Арт напрягся.

– Что? Да вот что. Вспомни, как повел себя твой отец, когда узнал, что у матери появился новый мужчина. Как он на это отреагировал?

– Он... – Арт замялся, и я понял, что раньше он об этом не задумывался. Теперь он говорил уже не так уверенно. – Он... По-моему, ему это не понравилось. Он стал ревновать.

– Вот-вот, – подхватил я. Это было моей маленькой мстью. Мстью за отца. Арт, конечно, молодец. Он все сделал правильно. Но не забывайте, что речь шла не о постороннем человеке, а о моем отце. – У чужого барана всегда яйца больше. Твой папаша увидел, что его жена по-прежнему красива и желанна, и захотел ее вернуть. Разве не так? Он почувствовал, что теряет ее безвозвратно.

Арт замолчал. А я упивался тем, что могу, наконец, сделать ему больно. Пусть не так больно, как было мне, но все же.

– Наверное, он ощущал себя королем: приехал покорять Москву. Вложил деньги, вырученные от продажи цветов и мандаринов, стал крутиться. Что-то купил, что-то продал. Купил подешевле, продал подороже. Разницу – на карман, и в кабак. А там – бабы. Вот одна к нему и прилипла. Небось, в рот смотрела. И ему нравилось это все больше и больше. А тебя и твою мать он считал чем-то скучным и постоянным, вроде тяжелой старой мебели, которую жалко выбрасывать и трудно выносить на помойку. Он думал, что куда вы от него не денетесь. Поэтому был удивлен, когда твоя мамаша взбрыкнула и ушла. Он потерялся, потому что перестал быть хозяином положения. Правда, ты, как щенок, все бегал и лизал ему руки. И он тащился. А когда, наконец, твоя мать встретила настоящего достойного мужчину, он испугался. Но ты не понял этого. Ты и сейчас не понимаешь. «У нас все хорошо!» – передразнил я его. – Да куда уж лучше. Разошлись, погуляли, потом снова сошлись... И так – до следующего раза. Но главное, что ты – весь в белом. Спаситель семьи. А мой отец для тебя – не человек, а просто досадное обстоятельство. И, однако, заметь: это досадное обстоятельство сумело восстановить то, что разрушил твой папаша с помощью обыкновенной шлюхи.

Не знаю, зачем я говорил все это; ведь я не верил ни единому своему слову – ни тогда, ни, тем более, сейчас.

Нет, в чем-то я был, конечно, прав. Суть я ухватил верно, но я лишил жизненную драму Арта всех нюансов, деталей и

подробностей. Я оборвал с дерева все цветы и листья, оставив только голый ствол и ветви. Но ведь для Арта как раз наибольшее значение имели шум листвы и запах цветов.

С годами я все больше и больше сомневаюсь в мудрости того мальчика, который первым крикнул, что король голый. Может, он просто был имбецилом, напрочь лишенным фантазии? Ведь всегда что-то должно оставаться неприкосновенным, неизменным, святым, если угодно? А я эту заповедь нарушил. Я оказался слишком жестоким. Но не потому ли, что Арт со своей семейкой замахнулись на МОЕГО короля?

Арт грозно выругался и рванулся вперед. Я слышал, как он продирается между «УАЗиком» и стеной, цепляясь старой отцовской одеждой за щепки, остатки коры и ржавые гвозди. Я чувствовал, что тоже не могу больше говорить. Мне необходимо было выплеснуть все то, что я не мог выразить словами. Я кипел – оттого, что был зол на всех: на себя, на Арта, на дядю Вову, на мать. На всех – кто не понял и не оценил моего отца. На тех, кто выдавил его из своей жизни, как сгусток вонючего гноя, хотя едва ли он того заслуживал.

Мы выбежали из-за машины одновременно и сразу бросились друг на друга. Арт был чуть ниже меня, но очень плотным и коренастым. Правда, у меня имелось одно преимущество – длинные руки, но в ближнем бою оно сводилось на нет. Помню, я с ходу успел выбросить левый кулак и разбил ему нос. Кровь брызнула так сильно, что темные капли попали на заднюю дверь машины. Голова Арта запро-

кинулась, глаза наполнились слезами, но его это не остановило. В следующий же момент он пригнул голову, закрыл ее руками и снова кинулся на меня. Я хотел остановить его сильным встречным с правой – удар, который всегда хорошо у меня получался – но в темноте сарая не рассчитал и костяшки пальцев напоролись на ручку задней двери машины. Я взвыл, рука повисла, как плеть. Едва что-то соображая от боли, я пытался оттолкнуть Арта левой, но попробуйте-ка остановить живую торпеду! Он ударил меня головой в грудь, вложив всю тяжесть своего тела, и я отлетел спиной на стенку сарая. Под ногами были какие-то жестяные банки из-под краски и лака, старая канистра, я запнулся, и мы повалились на землю. Большой таз с облупившейся эмалью, висевший на стене, с грохотом упал Арту на голову, но, по-моему, он даже не заметил. Или сделал вид, что не заметил. Он оседлал меня и без устали молотил кулаками куда попало. Мне оставалось только уворачиваться и прикрываться левым предплечьем, потому что я знал – стоит пропустить хоть один сильный удар, и все! В пылу битвы он меня добьет. Черт побери, мы здорово тогда подрались!

Минуты растянулись в часы. Постепенно я перестал ощущать боль: знакомое чувство. Так же и на ринге: чувствуешь только первые удары, остальные просто встряхивают тебя, но боли уже нет. Наконец, когда моя правая снова обрела чувствительность, я, улучив момент, раскрытой ладонью врезал Арту по уху, что привело его в секундное замешательство;

после чего заехал ему левым кулаком в висок. Арт заворчал, как сердитый пес, но он и не думал сдаваться. Пришлось врезать ему еще разок. И, знаете... Злость прошла. Так же внезапно, как и появилась, когда я вдруг вспомнил, ЗАЧЕМ мы здесь.

Я обеими руками спихнул Арта с себя и поднялся. Все тело дрожало в боевом запале, и некоторые внутренние органы настойчиво требовали опорожнения. Физиология, против нее не попрешь! Адреналин, как метлой, выбрасывает из организма все лишнее. В боксе обычно это делаешь перед боем, и проблем не возникает.

Я взял Арта за шиворот и поставил на ноги. Протянул ему руку.

– Арти! – сказал я. – Прости! Я был неправ.

Арт стоял, еле заметно покачиваясь. Я ожидал, что он меня сейчас треснет. Я знал, что он так сделает, и был готов.

Поэтому, когда Арти ударил меня в грудь – совсем не больно, скорее обозначив удар, нежели по-настоящему нанеся его – я даже не почувствовал.

Если бы он ударил меня в лицо, то все началось бы заново. Но Арт это тоже понимал. Как понимал и то, что последнее слово должно остаться за ним – ведь это я его обидел. И он несильно треснул меня в грудь.

Последнее слово всегда должно оставаться за НАСТОЯЩИМ ИНДЕЙЦЕМ. И, хотя Арт тогда еще не знал ТАЙНЫ, а, узнав, так до конца и не поверил в нее, но он всегда был

НАСТОЯЩИМ ИНДЕЙЦЕМ. За это я ручаюсь. И, если кто-нибудь вздумает при мне сказать о нем что-то плохое, тот здорово пожалеет.

* * *

– Пошли умоемся, – сказал я. – Как-то некрасиво... с такими рожами...

Арт кивнул.

И мы направились к выходу. Так же, как и пришли – по разные стороны «УАЗика».

* * *

Все окончательно перепуталось в моей голове. Кто для кого кем является? Мне это совершенно непонятно. Я пытаюсь провести какие-то параллели, найти какие-то аналогии, и у меня ничего не получается. Люди, их лица, их поступки, их слова, их мысли, – все крутится вокруг моего отца, как планеты вокруг Солнца. По крайней мере, для меня.

Дело в том, что дядя Вова слинял, прожив с матерью немногим больше года. Он не ушел, не устроил скандал, не хлопнул дверью... Он просто слинял.

Собрал вещи и уехал в командировку. А потом сообщил телеграммой, что возвращается в семью. Мол, семья для него

важнее. Так, словно мы с матерью никогда не смогли бы стать его семьей. Так, будто бы она не ради него разрушила свою.

Попробуйте-ка, разберитесь в этом! Отец Арта сначала забыл про семью, а затем, когда ему в голову что-то ударило, вернулся. Дядя Вова тоже – сбежал от супружницы и детей, а потом, когда надоело платить алименты, прибежал на родной порог, поджав хвостик.

А может, нет? Может, они осознали свою ошибку? Может, они просто не понимали, какое место в их жизни занимает семья? Большинству людей, чтобы оценить что-то, надо это что-то потерять. «Что имеем, не храним, потерявши – плачем». Все так. Но не с отцом. Он-то не вернулся. Он всегда смотрел только вперед.

И, знаете, я часто думаю: кто на самом деле сильнее? Тот, кто может простить или попросить прощенья и начать все заново? Или тот, кто не прощает и не пытается склеить черепки?

Когда ты молод и горяч, очевидность ответа сомнений не вызывает. Ты уверен, что твердость – это самое первое проявление силы.

Но ведь склеивать черепки – это тоже тяжелая и кропотливая работа, требующая упорства и усердия. И какой-то силы. Так я стал думать с возрастом.

Но сейчас я знаю третий ответ, и он мне кажется самым правильным. Для того, чтобы начать заново, требуется сила. И для того, чтобы все забыть, требуется сила. Но эти реше-

ния принимаются не головой, а сердцем. Ты никогда не сможешь себя заставить сделать то или другое. Ты просто будешь это делать, вот и все. Делать так, как велит тебе сердце.

И дай Бог тебе силы на твоём пути! И не бойся не вернуться!

* * *

Мы вышли из сарая и подошли к бочке, стоявшей на углу дома, под водостоком. Падая, я обо что-то ударился головой и рассек кожу. Кровь тоненькой струйкой змеилась по шее и капала за воротник. Я чувствовал, как футболка прилипла к спине. И ещё я чувствовал какую-то опустошенность. Ужасную опустошенность, словно я бил не Арта, а самого себя.

Арт тоже старался не смотреть мне в глаза. Наверное, он все ещё злился. Только на кого? На меня? Или на себя?

Мы молча умывались, плеская розовой от крови водой на ярко-зеленую, словно нарочно выкрашенную, траву.

– У тебя есть сигареты? – сказал угрюмо Арт.

Я похлопал по карманам и обнаружил, что оставил пачку в той, городской одежде.

– Нет. Они в доме. Сходить?

Арт цыкнул. Наверное, это должно было означать отрицание.

– Не надо, я все равно не курю.

Глупо... Он не курил, но спросил меня о сигаретах... Глу-

по...

– Он ее сильно любил? – так же невпопад спросил я. – Ну, твою... – я уже не мог сказать «мать». Хотя бы потому, что отец ее любил, если верить Арту. – Маму? – я произнес это слово как-то быстро и скомканно, мысленно ругая себя за то, что забыл, как ее зовут. Ведь Арт сказал. Всего один раз, но сказал, и я должен был запомнить.

– Риту... – медленно, нараспев, с тягучим кавказским акцентом сказал Арт. – Да. Очень сильно. И как-то... По-особенному.

Арт зажал пальцами свой мясистый нос и запрокинул голову.

– Я не могу вспомнить о нем что-нибудь плохое, – сказал он гнусаво, как испорченное радио. – Я это говорю не потому, что ты его сын. Просто... – он пожал плечами и еще раз цыкнул. – Он действительно был хороший. Но... Не наш.

– Разве так бывает? – спросил я. Видимо, я окончательно ударился в пустословие. Я прекрасно знал, что так бывает; бывает сплошь и рядом, но мне очень хотелось говорить и говорить с Артом. Говорить об отце, видеть его отражение в других людях.

– Да. Бывает, – Арт помолчал. И потом перевел разговор на другую тему.

– Знаешь, я сам тогда очень сильно влюбился: одновременно с твоим отцом. Это была моя первая любовь. Не знаю, что на меня нашло – я словно заболел. Она училась со мной

в одном классе – девочка из очень обеспеченной семьи. У нас в школе все были такие. Я говорил, что ходил в элитную школу?

Я улыбнулся.

– Нет. Но разве могло быть по-другому?

– Ты опять смеешься?

– Я не смеюсь, Арти. Продолжай.

– Ее привозили в школу на «Мерседесе» – с водителем и охранником. У мамы была «десятка», и я всегда просил ее останавливаться за углом. Эта девочка даже не смотрела на меня. У папы в то время был «БМВ». Почти новый, но с калининградскими номерами: сразу видно, что машина подержанная. Не твоя, а из-под чьей-то задницы. Так что «БМВ» тоже проблему не решал. Я бесился. Мне казалось, что если я подъеду к школе на «Мерседесе», то эта девочка сразу обратит на меня внимание. Ну, знаешь, как это бывает в детстве: посмотрит в мою сторону, положит голову на плечо, поцелует. Больше ничего и не надо. Так ведь?

– Наверное.

– Не знаю, почему, но однажды вечером, когда мне было совсем грустно и тоскливо, я решил и рассказал обо всем твоему отцу. Я не видел в нем отца, но он всегда был мне другом. Он усмехнулся и сказал, что все будет хорошо.

– И что? Он пригнал «Роллс-Ройс»? «Феррари»? «Ламборгини»?

Арт засмеялся.

– «Роллс-Ройс»... У него не было даже приличного костюма, не то, что машины. Нет. Он не открывал двери ключами, ты же знаешь. Он их ломал.

– И что же он сделал?

– Не обижайся, Сандрик. Ты хоть и его сын, но тебе до него пока далеко. Он сказал мне: «Через неделю она будет твоей. Есть два способа покорить женщину. Тебе подойдет второй. Он несколько более длительный, чем первый, придется потерпеть. Но в любом случае – не больше недели. Ты готов?». Он еще спрашивал! Я не поверил ему. А он процитировал мне Киплинга: «Но знатная леди и Джуди О’Гре-ди во всем остальном равны». И добавил: «Киплинг не мог ошибаться. Не зря же он до сих пор – самый молодой из всех Нобелевских лауреатов в области литературы». А я все равно не верил: ни Киплингу, ни литературе, ни тому, что женщину можно увлечь одними только словами.

Арти замолчал. А мне не терпелось узнать, что было дальше. Я не сомневался, что отец нашел выход. Но только не знал, какой. Видимо, и впрямь мне было до него далеко.

– Ну, и?

– Он ушел в другую комнату, и через полчаса вернулся с листком бумаги. Перепиши это своим почерком, сказал он. Я переписал. Там были какие-то стихи. Что-то про любовь. Я не помню, что.

Не стоило его за это винить. Прагматики вроде Арта не запоминают даже Агнию Барто. Я не уверен, что та девоч-

ка помнила эти стихи, но знаю наверняка, что она их ХРАНИЛА. Да, пожалуй. Они, наверное, и сейчас где-нибудь пылятся в ее секретере: между листами с банковскими отчетностями и каталогами дорогих магазинов. Но пылятся, а не валяются на помойке.

– Он сказал мне, дай ей это завтра. И не своди с нее влюбленных глаз. Пусть она купается в твоих глазах. Я так и сделал. Девочка прочитала и посмотрела на меня с удивлением, но не более того. С удивлением. В тот же вечер он дал мне другой листок. Это было уже настоящее любовное письмо. Смешно! Оно было написано без знаков препинания. Он сказал, расставь их сам, где считаешь нужным; если это сделаю я, пропадет эффект естественности. Я и расставил. Наверное, забыл половину. А те, что не забыл, поставил не туда. Он засмеялся и сказал, что неплохо бы еще в двух местах капнуть, будто слезами. Это была шутка. Не знаю, почему я это делал... Я так и не верил, что что-нибудь получится. Я чувствовал себя дураком, когда на перемене вручал ей это письмо. Но вручил. И, знаешь, она посмотрела на меня уже по-другому. Было еще третье письмо, самое пылкое и страстное. Честно говоря, я уже не думал, что его можно превзойти. Ведь все шло по нарастающей. Тогда каким должно было быть четвертое?

– Действительно. А что было в четвертый день?

Арт помотал головой. Кровь остановилась, но нос сильно распух, и он по-прежнему говорил гнусаво.

– Ничего.

– Как ничего? – опешил я.

– А вот так. Ничего. Он сказал мне: «А теперь забудь о ней. Если случайно поймаешь ее взгляд, медленно и со вздохом отводи глаза. Если она будет тебя о чем-то спрашивать, отвечай задумчиво и невпопад. Что-нибудь вроде: «Пятью пять – двадцать пять, шестью шесть – тридцать шесть, семью семь – сорок семь, и все в таком духе».

– Интересно. И что?

– Я так и поступил. У меня же в запасе было еще четыре дня, если ты помнишь.

– Ну и?

– Он называл это извечным танцем любви. «Женщина не сдвинется с места, если ты будешь за ней бегать. Но стоит тебе сделать шаг назад...». А на седьмой день случилось вот что. Накануне вечером он сказал маме, что отвезет меня в школу. А утром встал ни свет ни заря и исчез. Оставил записку, чтобы обязательно дождались его. Мама была, как на иголках. Она поминутно всплескивала руками, ругалась на него, ругалась на меня, – словом, нервничала. Она хотела сама отвезти меня, но... Я не позволил. Иначе все пропало бы впустую. Я решил играть до конца. Была уже половина девятого, когда он появился на пороге. «Готов?» – спросил он. «Тогда побежали!». Мама стала причитать, что из-за его дурацких затей ребенок опоздает в школу, что мне влепят замечание, что снизят оценку в четверти... Но он ее будто не

слышал. В глазах у него бегали какие-то чертики. Мы спустились вниз и вышли из подъезда. И знаешь, что там было? Две большие пожарные машины! Он открыл дверцу и посадил меня. Я оказался зажатым между здоровыми мужиками, одетыми в брезентовые куртки и с касками на головах. От мужиков пахло потом, перегаром и луком. Они шутили и весело матерились. Водитель врубил сирену, и мы помчались по городу, не обращая внимания на пробки. Твой отец тоже надел брезентовую робу, каску и стал таким же, как они. Он тоже шутил и весело матерился. «Когда мы подъедем», – сказал он, – «не торопись. Я выскочу первым и открою тебе дверь. А ты выйдешь из машины важный, как султан Брунея. Если потом твоя девочка спросит, что случилось, небрежно ответишь, что все машины в разъезде, поэтому пришлось воспользоваться пожарной, чтобы не опоздать. Если после уроков она предложит тебя подвезти, не соглашайся. Не играй с женщиной на ее территории; там она обязательно уложит тебя на обе лопатки. Пойдешь пешком. Я буду ждать за углом. Когда вокруг никого не будет, сядешь и поедем домой. Запомнил?». Я кивнул. Меня вдруг охватило ощущение... Игры. Радости. Легкости всего происходящего. В тот момент я начал верить, что не всех Дедов Морозов убили на финской границе, парочка еще осталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.